

ЛАКАНОВСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Лакановский взгляд на интерпретацию сновидений

А. И. Мелёхин

Мелёхин Алексей Игоревич – кандидат психологических наук, доцент, психоаналитически ориентированный психотерапевт, клинический психолог высшей квалификационной категории, сомнолог.

В статье впервые систематизированы основные аспекты лакановского подхода к интерпретации сновидений через клинику означающего, желания. Анализ сновидения (по Ж. Лакану) – фантазматическая конструкция, отнюдь не предел психоаналитического интереса и не требует никакой «техники». На примере схемы аналитического процесса Ж. Лакана (sS-SI) рассмотрена условная специфика работы со сновидениями. Показана важность концептуализации психического функционирования как структуры, содержащей регистры Воображаемого, Символического и Реального для интерпретации работы сновидений пациента. Сновидение следует рассматривать как диалектическое мышление, учитывающее желание Другого. Детализирована разница между фрейдистской и лакановской интерпретациями сновидений и понятием бессознательного желания. Показано различие между фрейдистской формулой, утверждающей, что сновидения – это исполнение желания, и лакановской формулой, где сновидения означают осуществление пробуждения. Описан метод текстологического анализа сновидения. Делается акцент на том, что анализ сновидения устремлен к пределам и, чтобы к ним приблизиться, нужно «понять», как образуется форма сновидения у конкретного пациента.

Ключевые слова: сновидения, сон, бессознательное желание, клиника желания, ребус, желание.

«З. Фрейд описывает сновидение как некий узел, ассоциативную сеть анализируемых словесных форм, которые пересекаются как таковые не из-за того, что они означают, а благодаря своего рода омонимии. Именно когда вы сталкиваетесь с одним словом на пересечении трех идей, которые приходят к предмету, вы замечаете, что важно именно это слово, а не что-то другое. Именно когда вы нашли слово, которое концентрирует вокруг себя наибольшее количество нитей в мицелии, вы знаете, что это скрытый центр тяжести рассматриваемого желания. Это, одним словом, узловая точка, где дискурс образует дыру».
Жак Лакан

«З. Фрейд указывает, что сновидение будит вас именно тогда, когда оно может отбросить истину, так что единственная причина, по которой вы просыпаетесь, – это продолжение сновидения – сновидения в реальности».
Жак Лакан. Семинар XVII

Мы живем в эпоху прозрачности, когда ускользает смысл, все выставлено и показано явно, расстояние между интимным и экстимным стирается. Это эпоха практики постприватности. Тем не менее сны продолжают поддерживать связь с самым сокровенным, и они представляются загадочными как для себя, так и для других. Человек проводит длительное время жизни во сне, он видит сны, как говорит Ж. Лакан, – не только во сне. Сны по-прежнему непрозрачны, в онейрических сюжетах всплывают «объекты *a*» (*objet petit-a*) между желаниями и их удовлетворением (Dream, Its Interpretation... 2020).

Ключевые вопросы, которые волнуют психоанализ, – это вопрос о субъекте бессознательного, становлении/трансформации желающего субъекта, психической реальности, вопрос прокладывания психических следов, механизма восприятия-запоминания-забывания, т. е. «психического письма» субъекта. Напомним, что метафорой письменности бессознательного, согласно З. Фрейду, служит *иероглифическое письмо*. Сновидения пациента выступают таким иероглифическим письмом. Ссылки З. Фрейда на иероглифы основаны на том факте, что образы, которые их составляют, подобны образам сновидений, не предназначены для интерпретации, а только предназначены для установления значения некоторых других элементов. В семинаре «Психозы» Ж. Лакан часто цитирует эту точку зрения З. Фрейда и отмечает, что *ценность образа как означающего не имеет ничего общего с его значением*.

З. Фрейд (*рис. 1*) называл сновидение ребусом, выражением бессознательных мыслей, которые подобны иероглифам или фигуративной живописи. Это ребус, требующий перевода. Ж. Лакан говорил о том, что, если сновидение – это ребус, значит, за образами сновидения нужно искать слова (Kovacevic, 2013).

Сразу отметим, что с психоаналитической точки зрения сновидения (будь то даже кошмар) – не проблема, а ее решение. Вспомним З.

Фрейда, который говорил, что бред как симптом – уже попытка исцеления. Сновидение подобно симптому как означающему, отсылающему к другим означающим. За образами сновидения необходимо в конечном счете обнаружить *фразу*.

Ж. Лакан в XIII семинаре «Объект психоанализа» (*L'objet de la psychanalyse*, 1965–1966) утверждал, что ранние иероглифы в пещерных рисунках ведут обратно к логической матрице знака (*Dream, Its Interpretation...* 2020). З. Фрейд никогда не мог выйти из воображаемых тупиков своего собственного открытия, утверждал Ж. Лакан, потому что он никогда не понимал, что *свободная ассоциация* функционирует по законам метафоры и метонимии, делая «психическое» влиянием бессознательного на соматическое. Другими словами, «вторичный процесс», или сознательная часть языка, метафора, – это исполнение желаний сновидения, дневной остаток, в то время как фантазии, по Ж. Лакану, не являются сновидениями или дневными желаниями. Фантазии – это «бессознательные организации субъективизации реальности». В то время как З. Фрейд говорил об исполнении желаний, Ж. Лакан говорит о *форме мышления субъекта бессознательного* (*Kovacevic*, 2013). Когда фундаментальные элементы фантазма появляются в «сознательном» мышлении пациента, будь то проявленная мысль сновидения или литературный текст, эти элементы будут следовать законам знака, организующего язык вокруг желания. Ж. Лакан заходит так далеко, что предполагает, что работа «Толкование сновидений» З. Фрейда сделала возможным развитие формальной лингвистики. Но аргументы З. Фрейда были недостаточны для того, чтобы показать формирующую силу знака, т. е. проблему, которую лингвисты так и не решили.

Рис. 1. Понимание сновидения у З. Фрейда и Ж. Лакана

Таким образом, детали сновидения – не просто образы, но именно элементы восприятия, собирающие *онейроробус* (Мазин, 2013), т. е. лингвистическую конструкцию. Сразу отметим, что ребус никогда не расшифровывается до конца.

Главный принцип лакановской онейрографии – это новая этическая позиция – открытость, невозможность сказать: все, теперь это сновидение истолковано до конца. *У сновидения нет ни начала, ни конца, есть лишь фрагмент воспоминания, то, с чего начинается пересказ сна. Всегда возможно еще одно истолкование* (Мазин, 2013).

Лакановский подход предполагает, что сновидение состоит из слов, это текст, который можно прочесть. «Риторика», «ребус», «анalogии» – вот некоторые из выражений З. Фрейда, чтобы понять, что речь идет не о том, что означает сон, а о тексте. Ж. Лакан говорил, что сон не вводит ни в какое непостижимое переживание, ни в какую мистику, он читается в том, что о нем говорит пациент, и что мы как психоаналитики можем пойти дальше, чтобы взять из него двусмысленности в более *анаграмматическом смысле* этого слова (Dream, Its Interpretation... 2020).

Сновидение вслед за З. Фрейдом и Ж. Лаканом следует рассматривать как *диалектическое мышление*, учитывающее желание Другого (большого), проявляющее напряжение между воображаемой конструкцией Идеального Я и символическим образованием Идеального Я, которое показывает как создание Идеального Я символическим Другим, так и диалектическое напряжение в нем, производное от воображаемого Другого (Идеал-Я) в отношении переноса (Kaltenbeck, 2020).

Напомню, что в своей «первой» теории субъекта Ж. Лакан четко отличает понятие Идеального Я от Я-идеала. Первое есть проекция идеального образа Я на внешний мир, а Я-идеал суть интроекции субъектом другого внешнего образа, оказывающего новый (де)формирующий эффект на его психику. По-иному, Я-идеал добавляет Я новый слой, представляющий субъекту вторичную идентификацию.

Отмечу, что начиная со второго семинара Ж. Лакан присваивает Другому заглавную букву, что означает:

- Язык как структура (субъект языка)
- Символический порядок (субъект символического)
- Субъект бессознательного.

Ж. Лакан говорил, что «в отличие от З. Фрейда, говоря про сновидение, он склонен не рассматривать их как только желание спать... Его тревожило желание проснуться» (Lacan, 2011). Позже Лакан предложит формулу: сновидения означают осуществление пробуждения.

Пациент помнит сны не обязательно потому, что они свидетельствуют о травме или о пережитом в течение дня (дневной остаток). Более фундаментально – пациент помнит сны в рамках «*диалектики собственного желания*», состоящего из желания и (не)обладания. Учитывая «клинику желания» Ж. Лакана, следует говорить, что желание сновидения направлено на Другого как на того, кто даст ответ на отсутствие состояний сновидения (в отличие от психотических галлюцинаций, которые являются кошмарами нападения на фигуры, где царит заблуждение, а не фантазия,

потому что Другой уже полон). Ж. Лакан изображает бессознательное желание как входящее в сознание со всей диалектической расплывчатостью воображаемого (иррационального) числа «два», таинственного знака зеркальной двойственности, где два конденсируется в одно, выходящее за свои собственные границы в сновидении (*Dream, Its Interpretation...* 2020).

Ж. Лакан переосмысливает фрейдовскую теорию сновидений, приводит детальное раскрытие идеи, *что сновидение – это исполнение (удовлетворение) бессознательного (скрытого, подавленного) желания.*

Функция сновидений, по Ж. Лакану, как с точки зрения «связывания», так и «удовлетворения», связана с загадкой желания Другого и его наслаждения. И главным образом с тем, как сновидение находит через кодировку, которую оно создает своими образованиями (метафорического или метонимического характера), «ответ» на загадочное желание Другого. Это, однако, ответ, который, с одной стороны, всегда оставляет остаток (можно было бы сказать «что-то желаемое»), а с другой стороны – может привести к неудаче (*Dream, Its Interpretation...* 2020). Интересно отметить, что кошмары, согласно Ж. Лакану, являются единственными снами, которые не подчиняются теории сновидения З. Фрейда как «образ желания» (*Kaltenbeck, 2020*).

Бессознательное желание для Ж. Лакана – это не совсем буквальное желание. Бессознательное желание означает, что бессознательное радикально отсутствует в сознательной оценке смысла, хотя оно присутствует как таинственный «мотиватор» намерений и действий пациента. И в качестве «мотиватора» он работает в соответствии с мыслительными процессами, типичными для бессознательного первичного процесса мышления, а не для грамматики вторичного процесса или других видов мотиваторов, таких как биология или инстинктивная причинность. В той мере, в какой человеческие поступки, особенно сновидения, кажутся иррациональными, Ж. Лакан называет их непроницаемыми для воображения мотивами, которые иррациональны постольку, поскольку они анализируются только в эгоистической системе неправильного познания. *«Эти (пропущенные) действия, эти (забытые) слова открывают истину сзади. В том, что мы называем свободными ассоциациями, образами сновидений, симптомами, раскрывается слово, несущее истину. Если открытие Фрейда и имеет какое-то значение, то оно состоит в том, что истина схватывает ошибку за шиворот в этой ошибке»* (*Dream, Its Interpretation...* 2020).

Сновидения говорят о подавленном недостатке, проистекающем из желания пациента. Ж. Лакан прочитывает идею З. Фрейда о желаниях сновидения как покрывающую «Я хочу» и «Я не могу (не могу) иметь», которые составляют язык значения, а не значения, которые З. Фрейд в конечном счете приписывал Оно, ищущему удовольствия, в связи с любым запретом на его удовлетворение.

Вернемся к фрейдовскому тезису о сновидении, что оно *есть (галлюцинаторное) осуществление или исполнение желания.*

У З. Фрейда можно наблюдать развитие этого тезиса с течением времени его работы (*Kovacevic, 2013*).

1) Сновидение – это реализация или попытка выразить бессознательное желание, и, следовательно, сновидение поддается истолкованию;

2) С введением «принципа удовольствия» З. Фрейд вынужден был признать, что есть сновидения, которые не являются реализацией бессознательного желания и не поддаются интерпретации (истолкованию);

3) З. Фрейд отходит от прежних предположений и соглашается изменить свой центральный тезис о сновидениях. Это уже не будет исключением, если не считать того, что у сновидения есть «внутренний изъян», оно не всегда или не до конца поддается истолкованию.

Что касается интерпретации, то, если следовать Ж. Лакану, нет ни одного сновидения, которое не было бы истолковано З. Фрейдом в соответствии с модальностью расшифровки, подразумевающей изложение сновидения. Предел толкованию сновидений присутствует с самого начала, когда З. Фрейд вводит понятие *пуповины сновидения*. Тем не менее в приведенном нами третьем тезисе он делает еще один шаг. Можно сказать, что разница между фрейдовской и лакановской интерпретациями сновидений заключается в том, что первая – это *перевод*, в то время как вторая интерпретация движется к несвязанному и невозможному и уступает место случайному. *Фаза толкования или прояснения символа интерпретацией заключается, по Лакану (рис. 2), в том, чтобы вытащить на поверхность означающие элементы... бессмыслицы... поддержание желания знать... проявить речь субъекта бессознательного.*

Сновидение как «патологический продукт» составляет временную странность внешнего мира, своего рода «безобидный психоз» (Dream, Its Interpretation... 2020). Но в то же время Ж. Лакан вслед за З. Фрейдом ставит сновидение на сторону полезной психической операции, в связи с потребностью в отдыхе, которая обеспечивает непрерывность сна. Опять же, здесь мы находим применение сновидению. З. Фрейд говорит о «безобидном пути к галлюцинаторному удовлетворению» (Dream, Its Interpretation... 2020). Зрение, или фигуральность в виде транспозиции представителей в образе, – механизм этой безобидной галлюцинации, а компромисс – это то, что обеспечивает выход из пульсирующего движения. С этого момента он пересматривает свой центральный тезис и подчеркивает, что это не исключение, а *структурное изменение*. В его тексте помимо принципа удовольствия исключение относилось

$$rS \rightarrow rI \rightarrow iI \rightarrow iR \rightarrow iS \rightarrow sS \rightarrow SI \rightarrow SR \rightarrow rR \rightarrow rS$$

Рис. 2. Схема аналитического процесса по Ж. Лакану.

Примечание. Воображаемая фаза анализа пациента $rI-iI-iR$;

фаза образного воссоздания символа – iS ; фаза толкования – $sS-SI$.

Завершение анализа – $SR-rR-rS$

к травматическим снам, но он приходит к выводу, что «бессознательное прикрепление к травме, по-видимому, находится на переднем крае этих препятствий к функции сновидения». Это означает, что, хотя у любого субъекта есть привязка к травме, сновидение было бы «попыткой реализации», но с возможностью быть в дефекте, поскольку снятие ночного изгнания позволяет всплеску травматической фиксации стать активным.

Функция сновидения, как и любого психического акта по праву, состоящая в том, чтобы превратить мнестические следы травматического события в исполнение желания, в этом случае срывается. Мы можем упорядочить вещи следующим образом: есть видения в снах, которые оставляют субъекта на стороне сна, которые вслед за З. Фрейдом мы можем назвать «безобидным галлюцинаторным переживанием» (Miller, 2016), но есть и другие, которые пробуждают субъекта и противостоят ему тем, что не удалось выработать, влечением, граничащим с травматической фиксацией.

Для Ж. Лакана статус бессознательного в клинической практике не онтологический, а этический. Он говорит, что вполне законно, что кто-то не надеется ни на сон, ни на его смысл. Но, «должно быть, изначально существует субъект, который, напротив, решает не быть равнодушным к фрейдистскому феномену» (Dream, Its Interpretation... 2020). Не быть равнодушным к фрейдистскому феномену – это не то же самое, что толковать сны по-фрейдистски, это значит решиться быть анализирующим и, более того, анализирующим из собственного «Я ничего не хочу знать». Анализирующая позиция выходит за рамки этой легитимности, и она предполагает форсирование, которое проявляется во сне в инъекции, сделанной Ирме (сновидение «Об инъекции Ирме»). Во всяком сне, говорит З. Фрейд, есть сподвижник капиталистический и сподвижник промышленный: «двигатель сновидения» и «причина сновидения». Двигатель – бессознательное желание, а причина – остальное, то есть то, что осталось невыясненным. Это то, что З. Фрейд называет «работой сновидения».

Что касается «техники» психоаналитика, когда пациент сообщает ему о сновидениях, то следует учесть, что бессознательное, как и сновидение (по З. Фрейду – «viaregia»), интерпретирует Реальное и наслаждение. Аналитический акт, относящийся к сновидению, должен не придавать значения тому, что является чистым наслаждением через игру буквы. Когда психоаналитик указывает (также, возможно, сокращает сессию) на решающее значение как для создания такого сна, так и для симптома объекта и наслаждения субъекта, он допускает ограничение симптоматического наслаждения там, где смысловая интерпретация может подпитывать наслаждение пациента.

Психоаналитик работает с означающими пациента, сокровищницей означающих субъекта по Ж. Лакану (Kovacevic, 2013). Психоаналитик, выделяя такие означающие в речи пациента, принимает при этом меры предосторожности, чтобы тот осознавал двойные смыслы соответствующих означающих, допуская появление сейчас или в последующих сессиях других означающих.

Психоаналитический акт направлен на загадочный аспект означаемого и игру буквы, что отличается от поиска и интерпретации смысла. Психоаналитик мог бы, в зависимости от случая и этапа анализа, акцентироваться либо на поиске смысла, либо на действительности наслаждения пациента (как и чем он наслаждается), в связи с загадкой означаемого и игрой буквы (вне смысла) и в связи с объектом как конденсатором наслаждения.

Если истина сновидений заключается, согласно З. Фрейду и Ж. Лакану, в самом сновидении, то единственный, кто может привнести в него смысл, – это сам сновидец (пациент). Ответственность на нем. Смысл сновидения открывается не психоаналитику, а пациенту, не через интерпретацию, а толкование (по З. Фрейду). Исследование сновидения как фантазматической конструкции – отнюдь не предел психоаналитического исследования. Именно по этой причине психоанализ не герменевтика, а уж тем более не интеллектуальная игра оригинальных интерпретаций.

Анализ устремлен к *пределам*, и, чтобы к ним приблизиться, нужно понять, как образуется форма сновидения у конкретного пациента. Для нас важна сама работа сновидения пациента, а не его скрытое содержание, важен процесс, а не оппозиция скрытое/явное/тайное манифестного/латентного. Мы говорим вслед за З. Фрейдом про исследование *психической поверхности* (Мазин, 2013).

Если мы рассматриваем сновидение как текст, то есть как хорошо связанное целое, онейрический опыт представлен в объективном продукте. Сон, пока он продолжается, – это опыт, а не текст. Воспоминание об этом переживании, независимо от того, сообщается оно или нет, отражено в тексте сновидения. Сновидение становится текстом в тот момент, когда закончился его первоначальный опыт, точно так же как опыт бодрствования может стать текстом, как только мы сможем размышлять о нем как о «чем-то, что произошло» с нами.

З. Фрейд писал, что сновидение – это сценическое действие. Вспомним, элементы нарратива, что повествование можно разделить на две фундаментальные части:

- **История** – это содержание или цепь событий, то есть действия и события, и она исключает те элементы, которые могут быть описаны как контекстуальные переменные;

- **Дискурс** – это форма выражения или средство, с помощью которого передается содержание.

Проще говоря, *история* представляет то, что описывается в повествовании, а *дискурс* связан с тем, как происходит это повествование. В клинической практике мы делаем больший акцент на дискурсе сновидения пациента.

Возникновение и содержание сновидений в клинической практике обычно оценивается с помощью:

- – **ретроспективного интервью и опросников**. Проводятся сразу после пробуждения пациента каждое утро, требуют долговременной памяти и метакогнитивного осознания. Ретроспективные шкалы частоты сновидений дают оценку частоты сновидений и согласуются с данными

метода прерывания сна. Чаще всего используется шкала *Night Dreaming Frequency Scale*, которая позволяет оценить специфику сновидений, частоту, детализацию, яркость и осознание;

- – **ведения дневника сновидений, которое** требует участия долговременной памяти о прошедшей ночи пациента. Он состоит из пяти листов бумаги формата А4. Пациенту предлагается сообщить о своих снах на протяжении пяти дней и не сообщать о каких-либо предыдущих повторяющихся снах или кошмарах. В верхней части каждой из следующих пяти страниц есть место для даты сна. В инструкциях говорится, что нужно как можно полнее описать, что именно произошло во сне и какие эмоции испытаны во время сна. Пустое место предназначается для записи повествования о сновидении. Вторая инструкция требует от пациента проверить все эмоции, которые он испытывал во время описанного выше сновидения. Далее следует список эмоций К. Изарда;

- – **прерывания сна.** Прерывание сна является наиболее «прямым» методом и, по-видимому, в первую очередь зависит от состояния кратковременной памяти пациента;

- – **техники «Рисунок сновидения».** Вспомним клинический случай С. Панкеева (Человек-Волк), описанный З. Фрейдом, когда тот пересказывает свое сновидение и рисует его. Рисунок, конечно, не передает темпорального повествования. Он возвращает сновидению его изобразительный характер, но при этом выхватывает лишь один аффективно заряженный эпизод из повествования. Рисунок в психоаналитическом пространстве располагается между сновидением и пересказом. В пересказе сновидения С. Панкеевым фигурируют шесть-семь волков, но изобразить на рисунке шесть или семь невозможно. На рисунке может быть либо шесть, либо семь. В этом отношении рисунок столь же строг, сколько и логика бодрствования. Однако на рисунке 1 их ни шесть, ни семь. З. Фрейд, глядя на эту картину (*рис. 1*), объяснял сокращение числа волков сказкой «Волк и семеро козлят», в которой волк съедает шесть, а семь прячется в часах. Стрелки на часах останавливаются в привычном месте – на цифре 5. Пять часов – пять волков. Число волков предписано не двумя волками первосцены С. Панкеева, а ее временем. Число волков предписано мертвой буквой остановленного времени встречи с Реальным (по Ж. Лакану). Пересказ дает возможность менять точки зрения на сцену. Иначе говоря, в пересказе также содержится оптическая диспозиция, но она переменна. Рисунок же устанавливает определенную позицию (Мазин, 2013).

- – **техники «en detail»** (по З. Фрейду). Анализируя сновидение «Об инъекции Ирме», З. Фрейд сначала разложил его на составные части, а затем подвел к ним ассоциации и подверг их толкованию. Важно то, что деление на части осуществляется не в согласовании с «бодрствующей-рациональной» логикой, т. е. не в соответствии с семантикой, со смыслом, а в связи с незамедлительно возникающими ассоциациями (на что больше обратил пациент внимание и что вызвало у него отклик) (Мазин, 2013; *Dream, Its Interpretation...* 2020).

Основываясь на лакановском подходе для толкования сновидения, мы рекомендуем применять *методы текстологического анализа*, разработанные для художественных текстов.

В частности, онейрический текст оценивался в общих чертах: 1) по составу текста и определению его характера; 2) временной организации отчета, т. е. временам, используемым в отчете о сновидении. Рассказчик истории или эпизода может выбирать между двумя альтернативами: он может либо констатировать факты, следуя порядку, в котором они произошли в референциальной (или псевдореферентной) вселенной, либо манипулировать временными последовательностями повествования. Кроме того (3), в эмоциональной организации повествовательный текст не излагает историю объективно и линейно, но каким-то образом организуется пациентом (как отправителем), чтобы соответствовать получателю (психоаналитику).

Отправитель (пациент) программирует моменты и способы получения данных, а получатель (психоаналитик) реконструирует историю, а также эмоциональные реакции получателя. С этой целью отправитель (сам пациент) может выбрать, как представлять историю. Анализ семантического уровня речи пациента может быть понят двумя различными способами: в широком смысле – как глобальный анализ формальной организации текста, рассматриваемый с семиотической точки зрения, или в более узком смысле, как анализ эмоциональных единств или семем речи.

4) Изучаемые семантические поля представляют собой группы слов (существительных, глаголов, прилагательных или наречий), используемых для описания конкретной ситуации, окружающей среды или

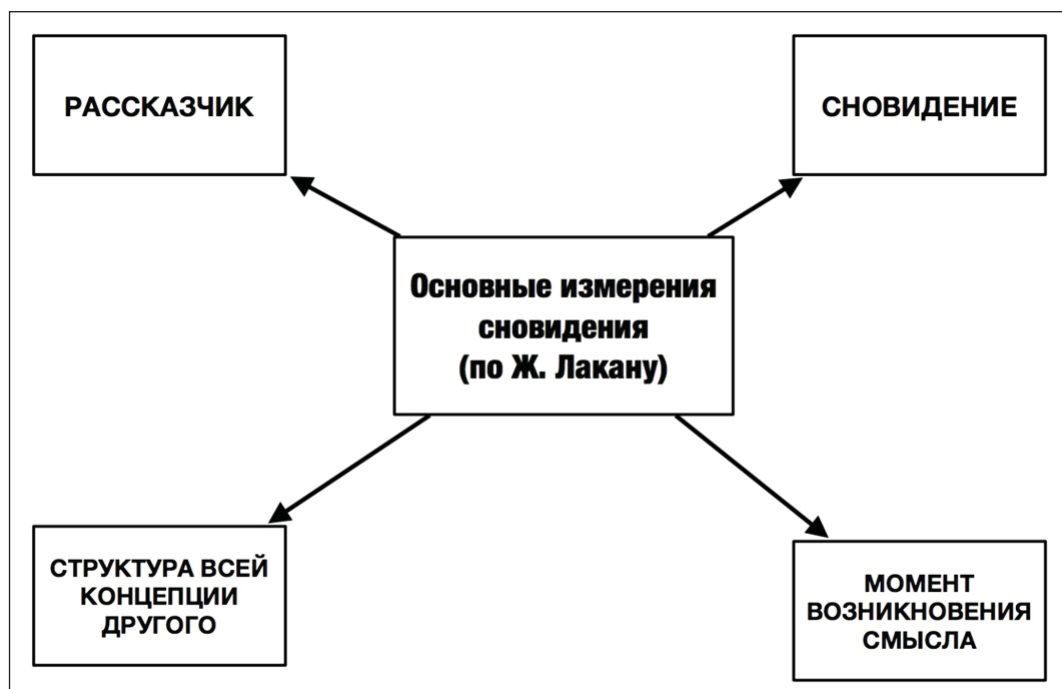

Рис. 3. Основные измерения сновидения по Ж. Лакану

совокупности объектов, которые составляют часть нашей повседневной жизни и развиваются в наших ассоциациях. Семантическое поле – это область значения для совокупности слов, относящихся к данному предмету.

Когда мы анализируем сновидение пациента как текст, то обращаем внимание на речь *пациента (означающие)*, которая отражает:

• **Композицию** (место и контекст):

1) Наличие или отсутствие наблюдения, определяющего место, в котором происходила онейрическая сцена, и, в случае такого присутствия, дальнейшее уточнение типа определяемого пространства (открытого или закрытого). Место может смещаться или отсутствовать;

2) Определение контекста повествования или того, что может быть определено как установка для онейрического повествования, уделяя особое внимание (в случае хорошо охарактеризованного контекста) описательному или эмоциональному качеству такого определения;

3) Наличие или отсутствие хронологических наблюдений, способствующих постановке сцены, в которой происходит действие;

4) Линейность или ее отсутствие в повествовательной последовательности (например, наличие или отсутствие флешбеков или разрывов в непрерывности и последовательности повествовательных текстов и т. д.);

5) Однородность или ее отсутствие в глагольных временах повествования и, если они однородны, временное распределение действия (настоящее, прошедшее или чередующееся).

• **Эмоциональную организацию** (речь, аффект, и эмоциональность):

1) Структура повествовательной речи или преобладание прямой или косвенной речи или описаний, данных с позиции внеповествовательной последовательности;

2) Состав персонажей или определение положения сновидца, а также других возможных действующих лиц или наблюдателей онейрической сцены;

3) Прояснение или отсутствие его относительно эмоционального состояния сновидца (страх, гнев, тоска и т. д.);

4) Определение ситуации, представленной как фантастическая или реалистичная.

Важно, что когда мы «анализируем» сновидение пациента как текст (или как «послание»), то обращаем внимание на речь пациента (означающие, пределы) и убираем позицию знающего

Выводы

• Разница между фрейдисткой и лакановской интерпретациями сновидений заключается в том, что первая – это *перевод*, в то время как *лакановская интерпретация движется к несвязанному и невозможному и уступает место случайному*.

• В сновидении есть шанс встреч и с «объектом а», как с несимволизованным.

- Анализ сновидения (по Лакану) – фантазматическая конструкция, отнюдь не предел психоаналитического интереса и не требует никакой «техники».
- Не нужно адаптировать пациента к реальности.
- Не нужно никакого «чтения символов», герменевтики и тем более интеллектуальной игры в поиске «оригинальной интерпретации» (уход от позиции детектива).
- Анализ сновидения устремлен к пределам, и, чтобы к ним приблизиться, нужно «понять», как образуется форма сновидения у конкретного пациента.
- Толкование сновидений не нацелено на смысл, на порождение знания, прояснение дел в так называемой «реальности». Сновидение – это конструирование незнания... поддержание желания знать как открытого субъекта.
- Смысловая интерпретация может подпитывать симптоматическое наслаждение пациента.
- Предел интерпретации сновидений присутствует с самого начала.
- Характер желания в сновидении – интересубъективный (желание быть высказанным).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мазин В. А.* Онейрокритика Лакана. Спб.: Алетейя, 2013. 148 с.
2. *Dream, Its Interpretation and Use in Lacanian Treatment (Scilicet) Paperback.* NY., 2020. 208 p.
3. *Kaltenbeck F.* Extension du domaine du cauchemar // *Savoirs et clinique*, 2020. Vol. 1. № 1, P. 196–206.
4. *Kovacevic F.* A Lacanian approach to dream interpretation // *Dreaming*, 2013. Vol. 23. № 1. P. 78–89.
5. *Lacan J.* La troisième, La Cause freudienne. Paris, Navarin/Le Seuil, 2011. P. 24.
6. *Miller J.A.* Habeas Corpus La Cause du désir. Paris, Navarin, novembre 2016. P. 166.

The Lacanian approach to the analysis of the work of dreams

A. I. Melehin

Melehin Aleksey Igorevich, PhD, Associate Professor, psychoanalytically oriented psychotherapist, somnologist, clinical psychologist of the highest qualification category P. A. Stolypin Humanitarian Institute.

For the first time, the article systematizes the main aspects of the Lacanian approach to the interpretation of dreams (the clinic of the signifier, desire, and psychoanalytic technique). The importance of conceptualizing the psyche as a structure containing registers of the Imaginary, Symbolic, and Real for interpreting the work of the patient's dreams is shown. It is shown that the dream should be considered as a dialectical thinking that takes into account the desire of the Other. The difference between the Freudian and Lacanian interpretation of dreams and the concept of unconscious desire is detailed. The method of textual analysis of dreams is described.

Keywords: dreams, unconscious desire, desire clinic, rebus, desire, Lacan.